

18+

СВЕТЛАНА ФЕТИСОВА

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

Светлана Фетисова
**«Жизнь моя, иль ты
приснилась мне...»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18011416
ISBN 9785447465513*

Аннотация

Всю свою жизнь он хотел чего-то достичь, пытался реализовать себя в творчестве, прославиться. А вместо этого совершил немало ошибок и разрушил не одну судьбу. Ради чего? Казалось бы, он получил все, о чем мечтал – свободу, возможность творить, не думая о деньгах... Но вкус к жизни утерян. Все, что он любил раньше, перестало его интересовать. И даже работа над книгами больше не приносит удовольствия. Похоже, пришло время подвести итоги и исправить совершенные ошибки.

Содержание

1	5
2	12
3	16
4	18
5	21
6	26
7	29
8	33
9	36
10	39
11	43
12	49
13	51
14	53
15	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

«ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ...»

Светлана Фетисова

*«Я теперь скунее стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне»
С. А. Есенин*

© Светлана Фетисова, 2024

ISBN 978-5-4474-6551-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Шок. Именно так называется состояние, в которое привело ее письмо. Как будто не двадцать первый век на дворе, дикость какая-то, средневековье.

Время изменило свой ход и, вопреки логике, сделало огромный скачок назад. Двадцать лет отделяло уверенную сорокалетнюю Ольгу от закомплексованной вдрызг девчонки, в которую перевоплощало ее это письмо. Страх тут же скользкой змейкой заструился по спине. Если бы не дети...

Если бы дети знали, что именно их взгляды снизу вверх, делают взрослых взрослыми, заставляют их совершать не свойственные им поступки, расправлять плечи и идти вперед, даже когда смертельно не хочется.

Вот и сейчас именно ожидающий взгляд дочери привел в чувство Ольгу, вернул к действительности. Вместо того чтобы расплакаться, как ей хотелось, она нахмурилась, изобразив раздумье.

– А, мам, неужели ты поедешь?

– Ты против?

– Да нет, я вообще не уверена, что это не розыгрыш.

– Анюта, возьми трубку.

– Алло. А кто ее спрашивает? Чья жена? А-а. Минутку.

– Мам. Тебя. Надеюсь, это не шутка. Она говорит, что она первая жена твоего бывшего мужа; в общем, папина первая

жена, зовут ее...

– Лариса.

– Да, а почему ты мне о ней не рассказывала?

– Да я сама о ней почти ничего не знаю. Гораздо больше знаю о второй, потому что я была третьей. Ну, в общем, потом расскажу. Давай послушаем, что она скажет. Алло.

– Дорогуша, ты получила приглашение?

– Да, но не знаю, как на это реагировать.

– Это правда. Он хочет всех нас видеть. Тебе не звонил чу-дило-адвокат? Ну, значит, я его опередила, он тебе все расскажет подробнее. Когда он тебе позвонит, попроси его снова связаться со мной, он не оставил мне своего номера телефона... А я забыла его спросить об очень важной вещи... Оплатит ли он нам дорогу, я сейчас весьма стеснена в средствах, а мой нынешний муж – такой скряга, это уже второй после Александра. А ты как поживаешь, милочка, давно о тебе ничего не слышала, с трудом удалось разыскать твой телефон?

– У меня щедрый муж, и деньги на билеты у меня тоже имеются. И вообще, я не знаю, поеду ли.

– Я всегда знала, что ты язва, будет даже лучше, если тебя там не будет. Нам и без тебя есть, что вспомнить хорошего, так что мы скучать не будем.

Аня весь разговор внимательно следила за матерью, уж очень интересно ей было, что затеял ее отец и во что это выльется, ее это тоже касалось, ведь в приглашении были ука-

заны трое: Ольга и две дочери. Отца Аня помнила плохо, ведь она была младшей, и ей было всего пять, когда семья распалась. Но, воспитанная отчимом, которого она называла папой, она не чувствовала себя обделенной отцовской любовью. Как натура творческая Александр иногда появлялся, всегда с подарками, а потом так же исчезал, эдакий фантомный папаша. Девочкам очень повезло с отчимом, и поэтому зла на отца Аня не держала, чего нельзя сказать о старшей дочери – Софье.

Соня была дочерью отца от предыдущего брака. Она была совсем крохой, когда Александр выторговал дочь у пьющей экс-жены и, посоветовавшись с Ольгой, забрал ее в новый дом. Аня знала, что Соня болезненно переживала семейные передраги их отца, она очень любила его, но все же пожелала остаться с Ольгой, когда они разводились. Соня очень нежно относилась к «маме», как она называла Ольгу, хотя прекрасно знала, кто является ее биологической матерью. Конечно, от нее скрывали истинные причины довольно частых появлений в доме «мамы Эльвиры», ей говорили, что мама скучает, но это было не так. Зависть не давала ей покоя, и она нелепо шантажировала Ольгу, грозя подать в суд и заявить о своих правах на ребенка. «Интересно, что она бы с ней делала, Соня ей совсем не нужна», – думала каждый раз Ольга, но каждый раз притворно пугалась и давала ей небольшие суммы, которыми Эльвира довольствовалась. Аня прекрасно знала, что Соня презирала свою родную мать, а отцу

не простила уход от Ольги, поэтому она была почти уверена, что Соня не поедет к отцу, тем более у нее теперь своя семья, и она ждет первого ребенка.

Редкий человек мог вывести Ольгу из себя, и сейчас Анята наблюдала почти уникальное явление. С начала разговора Ольга прошла путь от интереса через раздражение к негодованию и готова уже была вскипеть, она пофыркивала после каждой фразы собеседницы и не могла найти слов для ответа. На ее счастье позвонили в дверь, и она бесцеремонно оборвала этот возмутительный разговор. Со словами «какое счастье, что я ее мало знала» Ольга направилась к двери.

Беседа по телефону наполнила ее решимостью, не посмотрев в глазок, она широко распахнула дверь, чем напугала визитера. Скромный еврейский, то ли заморенный подросток, то ли зрелый мужчина (по затравленному взгляду и тщедушной фигуре очень трудно определить возрастную группу) забыл слова, уронил берет, который держал в руках. Поднимая берет, попытался достать из папки что-то, уронил зонт, от чего готов был провалиться сквозь землю, но усилием воли заставил себя выдать:

– Соколова Ольга?

– Да, – Ольга терпеливо ждала, когда этот горе-фокусник наконец достанет нечто, что послужило причиной циркового выступления.

– Марк Бернштейн – адвокат, – он судорожно пихнул Ольге в руку визитку, при этом посеял на полу остальных «Марк»

ков Бернштейнов». Пожалев его, хозяйка перевела гостя через порог и помогла освободиться от непослушных предметов.

Аня с интересом наблюдала, как мать порхает вокруг гостя. В полнейшем безмолвии они дружно приготовили чай и уселись напротив Марка. Успевший немного растаять, гость снова испуганно напрягся, глаза его заметались, руки лихорадочно искали друг друга, проверяя на месте ли кончики пальцев. Догадавшись, что тактика выжидания не принесет успеха, Ольга пошла в наступление.

– Ну?

Моргнув несколько раз, Бернштейн преобразился, он успокоился.

– Вы получили письмо. Ваш муж... ваш бывший муж, просил меня лично посетить вас для разъяснений. Он опасается вашего отказа, поэтому велел мне ответить на все ваши вопросы. Пожалуйста.

– Для начала объясните, что это Александру взбрело в голову «собрать всю семью»? Что за блажь или каприз звать кучу народа ехать за тридевять земель?

– Прошу об одолжении оставить эту информацию закрытой для других. Я уполномочен открыть истинную причину вам и еще одному человеку, более никому.

– Я с легкостью обещаю, хотя бы потому, что ни с кем не поддерживаю отношений из его близких. А кто этот второй человек, вы, разумеется, не скажете?

– Естественно, нет. Обещание вашего молчания не излишне, если вы все-таки примете приглашение, вам придется увидеть и общаться со многими...

– Хорошо, я обещаю еще раз.

– Так вот. Это прозвучит печально, но Александр Сергеевич очень болен, дни его сочтены. Как натура творческая он ищет облегчения в оправдании собственного существования, ищет подтверждения в продолжении своего рода. Под предлогом раздела наследства, а оно немалое, он пытается собрать своих близких людей. Во всяком случае, это официальная версия происходящего. До этого я его почти не знал, но то, что он приказал сжечь все свои книги в доме, говорит о пересмотре им своих жизненных приоритетов. Возможно, он ищет опоры в беде...

– Боже. А мать, она с ним?

– Нет. Она в фешенебельном швейцарском пансионе, ее категорически запрещено ставить в известность.

– Как всегда в своем репертуаре. Кого же он тогда хочет видеть: друзей, детей?

– Опять нет. Только бывших жен и их детей.

– Что-то мне это не нравится. Похоже на какой-то заговор.

– Насчет этого я не в курсе, но меня просили всех заверить в дружелюбных намерениях хозяина. Если вы опасаетесь за свою жизнь и жизнь своих детей, мы уполномочены застраховать вас в известной швейцарской компании.

Ольга небрежно отмахнулась от его последних слов, чем

вызвала почти священное уважение на лице адвоката.

– Кстати, вы единственная, кто не поинтересовался размером наследства.

2

«Опять», – подумал он и прикрыл глаза. Он знал это наизусть. Огромный медовый диск медленно уползал за горизонт. В это время дня все казалось безнадежно театральным: потрясающие краски неба, слишком глубокие тени, и даже узкая полоска далеких гор будто была нарисована на краю горизонта. Все звуки уходящего дня медленно, но неуклонно затихали.

Точно такой же закат был в тот день, когда он, измотанный и пьяный, наконец высвободился из раскаленной банки под названием «Джип». Это красочное шоу так потрясло его, что чересчур ясная мысль резанула как бритва.

«В таком месте и умереть не грех».

И вот прошло десять лет, даже чуть больше. Десять лет одинаково прекрасных закатов кого угодно загонят в могилу. Оказалось, невыносимо трудно жить в голливудских декорациях. Невольно чувствуешь себя на сцене, в свете рампы. Лет пять назад он даже пытался вычислить, в какую именно минуту стихает ветер, настолько сильным было ощущение тщательно подготовленного запрограммированного зрелища. В какой-то момент эта мистерия даже вызвала в нем ненависть. Он молил о ненастье, дожде. «А он, мятежный, просит бури». Это о нем. И даже грозился уехать «к чертовой бабушке», но остался. И смирился.

Едва слышно поскрипывало кресло, Александр пустыми глазами смотрел вперед и слегка покачивался. Это его ритуал. Никто никогда не смел разрушить этот молчаливый диалог с мирозданием. Он знал, когда последние отблески света потухнут, за ним придут, поэтому терпеливо ждал. Теперь у него было много времени для размышлений и воспоминаний, но сосредоточиться на чем-то одном было сложно. Память вообще сыграла с ним злую шутку: все, что произошло за границей этой великолепной декорации, он помнил смутно, будто видел в каком-то старом фильме, читал в какой-то книге, и, вообще, все случившееся произошло не с ним. И это была истинная правда, ведь то, каким он был сегодня, началось здесь, а там он был другим. Он плохо помнил, каким именно.

Прошлое принадлежало тому Александру Шлоссу, каким он был за кулисами этой декорации, а он сегодняшний – это старик, мирно сидящий в кресле-качалке. Все, что он любил раньше, перестало его интересовать: вино, женщины, азартные игры, книги – все стало тусклым. Даже то, ради чего он оказался здесь, свободный писательский труд, все оказалось в прошлом.

Чаще всего он просто наблюдал. Ему нравилось смотреть, как женщины выполняют хозяйственные работы, все, что они делали, как ему казалось, имело высший смысл. Ощипывали ли они кур или вешали белье – это виделось сложным ритуалом по продолжению существования. Впрочем, так оно

и было. Еще он любил наблюдать за птицами, насекомыми и детьми, и за этими занятиями он проводил часы, дни, месяцы.

Эх, Александр, Александр. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне», – эти слова часто приходили ему на ум. В пятнадцать лет он был прыщавым московским школьником и мечтал получить паспорт, чтобы начать взрослую жизнь. Поступив в институт, он думал, что, окончив его, он станет мудрым и великим, а вместо этого женился. Старался быть мужем и повторял себе: «Надо поторопиться чего-то достичь, пока не стукнет тридцать, тогда будет поздно». Плохо получалось совмещать тщетные попытки прославиться и семейную жизнь. Развелся. Первые публикации и мысли: «Ну, теперь поперет». Не поперло, вместо этого снова женился. Вдруг получилось зарабатывать деньги: «Ну, теперь я смогу спокойно отдаться творчеству, не заботясь о хлебе насущном». Не получилось совмещать деньги и творчество. Стал пить. Ушла жена. «Ну, до сорока есть время реализоваться». Женился. Вновь женился. Сорок лет, ума нет, зато есть дети.

Отцовство – тоже творчество. Стал писать сказки, для души, увлекло. Неожиданно стали печатать, попытался писать для взрослых – полный провал. Стал пить ежедневно, чтобы жизнь не казалась такой серой. «Невыносимая легкость бытия». Бесконечные измены, просто так, чтобы украсить жизнь. Ложь, утрата цели, бегство. Скитания по миру, поиски смысла и вдохновения. Женился на иностранке, но не за-

хотел осесть, отделался правами на издание своих сказок. Снова бегство. Он почувствовал, что устал. И вот он здесь, все позади.

«Еще много времени начать все сначала». Великая иллюзия жизни, не хочется верить, что ты сделал уже все, что мог. Но начинать ничего уже не стал, просто жил и уже не хотел достичь чего-то мифического или оставить свой след в истории человечества.

И тут случилась болезнь, с большой буквы.

3

– Очень жалею, что я после его бегства, в сердцах, порвала многие фотографии, где мы снимались вместе. Рука не поднялась только на эти, здесь мы были так счастливы.

Анюта с интересом рассматривала фотографии, которые видела лишь однажды. Тогда, под влиянием буйства гормонов, тринадцатилетняя Аня превратилась в злобного бесенка, которому во что бы то ни стало надо было найти виноватых во всех несправедливостях жизни. Эти поиски привели ее в родительскую спальню, где были найдены доказательства сексуальной жизни и другие «секреты» родителей, в том числе коробка с письмами и фотографиями Александра – ее биологического отца. Невзирая на очень благополучное детство, любовь отчима, ей вдруг взбрело в голову, что безразличие отца есть причина ее невзгод. Ольга рассказала дочери о характере и стиле жизни Александра, не мешала она и тщетным попыткам увидеться с ним. Интерес Ани переключился на сверстников. Все постепенно улеглось, но причиной бурного интереса к отцу стали именно эти, бережно хранимые Ольгой, фотографии.

Сейчас Аня уже видела гораздо больше в лице отца, чем тогда. Вот он, сердито озираясь, застыл за письменным столом, ему помешали работать; вот он с вещами, счастливый, переступает порог дома – возвращение из командировки, по-

жалуй, это самый любимый снимок отца, ей тринадцатилетней тогда казалось, что именно таким он выглядит всегда. Кроме нескольких общих «дежурных» свадебных фотографий, только один общий снимок уцелел. Вглядываясь в эти «незнакомые» лица, Аня пыталась понять, что связывало их, и была ли драма заложена изначально в их отношения.

Лариса Петровна была зла на своего единственного сына Валентина за то, что он не брал трубку своего мобильного телефона. Она трезвонила битый час, гудки нагоняли тоску и она, торча у зеркала, стала выщипывать темные волоски у себя на лице, которые все более настырно завоевывали территорию, ранее им не принадлежавшую. Наконец, она дождалась, что гудки прервались и превратились в прерывистые, теперь она была уверена, что он, не выдержав, отключил «мобильник». Причинив себе боль выкорчевыванием поселенцев, она перешла в атаку на рабочий телефон, который был катастрофически занят.

Валентин работал на радио, готовил эфир. Она плохо представляла, что это такое, но знала, что связано это с техникой.

«А вдруг там до моря недалеко? Придется перед отъездом навести лоск. Постригусь, покрашусь. Хорошо бы еще на массаж сходить и к косметичке, но это только если сынуля профинансирует. Вообще-то Шурка мог нас давно взять на довольствие, не обеднеет. Все-таки первое – самое настоящее, остальное лишь подобие. И зачем ему нужны все эти разборки с псевдородственниками, от которых он давным-давно сбежал. Мог бы просто написать завещание, в порядке убывания. Чего на нас смотреть. Хотя...»

– Ну, наконец-то. Девушка, мне Вяземского Валентина позовите. Подумаешь, линия занята, я подожду. Что хотите делайте, но не отключайте меня, я дозваниваюсь целый час. Он мне очень нужен – я его мать.

После бесконечного треньканья музыкальной шкатулки, в трубке, наконец, раздался раздраженный голос ее сына.

– Ты что от меня бегаешь? А чего трубку не берешь?

– Мам, я занят, а в мобильном батарейка села. Говори.

– Мне надо с тобой обсудить, может, мне потребовать вызвать и твою семью, все-таки не чужие ему люди, да и твоя Дашка первая его внучка, а для него это много значило всегда, а потом она такая лиса и может подольститься к кому хочешь. Как ты думаешь?

– Мам, я же тебе ничего не обещал, я не был еще у босса и не знаю, отпустят ли меня.

– Дорогой, ты просто обязан поехать, мне без твоей поддержки ничего не удастся получить. А Дашутке нужна своя квартира, у нее вся жизнь впереди. Ты должен ради нее...

– Я знаю, я попробую, но Дашку с собой не возьмем, я знаю, что папа был бы против.

– Перестань, какой к черту он тебе «папа». Он был лишь одним из твоих «пап».

– Я знаю. Но для меня... ты же знаешь, что я не ответил на его последнее письмо, он наверняка обиделся.

– Я тебе говорила, я тебя предупреждала... Конечно, я не предполагала, что он разбогател, но он относится к тому

типу людей, с кем нельзя портить отношения. Кстати, а почему ты не ответил на письмо?

– Мам, ты прекрасно знаешь. Сколько раз можно заглаживать один и тот же крючок. Он то приголубит, приласкает тебя, ты уже готов на все, а тут бац, и он исчез, ищи-свищи ветра в поле.

– Ты вроде давно взрослый человек, а так и не понял, что на таких, как он, не обижаются. Он такой, какой есть, и принимать его нужно таким, либо забыть о нем раз и навсегда. Он всегда искал жизни вне каких-либо рамок, вне государственных, семейных и прочих, поэтому всегда сбегал, как только осознавал чье-либо влияние или давление.

– Мам, ты мне этого никогда не говорила. Ты говорила, что он негодяй и беспринципный тип, а...

– Ладно, пока. Подумай о поездке.

5

Когда он был молодым и дерзким, ему нравилось зажигать девичьи сердца полуфантастическими рассказами. Собственно говоря, из этого устного жанра и сложилась его манера изложения как писателя. Александр чувствовал необыкновенное вдохновение и возбуждение, сродни горячке, когда замечал, что за ним наблюдает пара заинтересованных глаз. Чтобы поддержать интерес к себе, он становился все более и более красноречивым, он смешил, он удивлял и очаровывал.

Алекс обладал огромным багажом всяких занимательных знаний, чем вызывал восхищение неопытных девушек, симпатию со стороны мужчин и интерес со стороны женщин. Он знал, как правильно раскуривать кальян, умел играть в азартные игры и с удовольствием обучал других, был ловким наездником и хорошим ныряльщиком. Он очень быстро становился душой любой, даже самой разношерстной компании. Его всегда с удовольствием приглашали в гости и на вечеринки, знали – скучно не будет. Отчасти именно это качество сделало его замкнутым и пьющим. Нет, он был «открыт», открыт всем и каждому, но в тайники своей души не пускал даже близких друзей и любимых женщин.

Спрашивается, отчего так? Скорее всего, из страха быть не любимым за свои слабости и комплексы. Александр был

очень тонким и ранимым человеком и боль, причиняемую ему, заливал алкоголем. Он очень болезненно переживал творческие неудачи, свою семейную несостоятельность и нелюбовь окружающих. Конечно, пока находились компании, где он мог царить в устном жанре, где еще не устали от его забавных, но, увы, повторяющихся рассказов, он не унывал. Только гораздо позже Александр понял, что словесный мир не совершенен.

Все, что он любил в людях – эрудиция, остроумие, умные беседы – потеряло со временем смысл, это случилось тогда, когда он наконец понял, что каждое слово обозначает для разных людей что-то свое. Это называется разница в понятиях. Он пришел к выводу, что причиной во многих конфликтах, как семейных, так и глобальных, является одно слово, кем-то сказанное, принятое на другом конце с искажениями. Детская игра «испорченный телефон».

Когда человек влюблен, его лексикон сжимается до нескольких слов: «люблю, обожаю, целую, скучаю», и это почти все, другие слова настораживают, могут обидеть. Когда человек рассудителен и холоден, все равно существуют темы, которые задевают за невидимые болезненные струны, вот почему иногда на безобидную фразу «эти книги читают только домохозяйки» собеседник умолкает и начинает избегать общения в дальнейшем.

Все это осмыслил и воплотил, опять же в словесную форму, Александр уже здесь, в своем мандариновом раю, но че-

го ему это стоило. Скитаться по миру среди незнакомых ему языков, не стремясь к пониманию, это не фунт изюма. Именно поэтому он покинул свою последнюю жену-иностранку. Он опять сбежал, когда вокруг него со страшной быстротой стала образовываться русскоязычная шатия-братия из бывших соотечественников. А поскольку он никогда не избегал политических или социальных невзгод, ему была неведома ностальгия, которую ему навязывали добрые соплеменники.

Надо сказать, справедливости ради, что последний, пятый, брак Александра с американкой Кэролайн был скоропостижным и немного «ненастоящим». Алекс после скитаний по Африканскому континенту, то есть в почти словесной изоляции, попав в Америку, не мог наговориться, и ему надо было, чтобы кто-то с удовольствием слушал его далекий от совершенства английский язык. И он встретил ее – тихую, задумчивую сорокалетнюю дочь нью-йоркского издателя. Личная жизнь Кэролайн не сложилась, она была недостаточно красива, недостаточно самоуверенна и слишком романтична для брака. Конечно, у нее были связи, но до брака так и не дошло.

Очутившись в отдаленной гостиной, рядом, на одном диване, Алекс заговорил и не мог остановиться.

Он рассказал ей, что поведение гостей на вечеринке напоминает ему учебный фильм по физике, где изображалось броуновское движение. Она удивилась, но ничего не произнесла. Потом он рассказал, как прекрасны эбеновые кений-

ские девушки. Кэролайн молчала, она во все глаза смотрела на «русского писателя». Когда Алекс предложил ей прогуляться, она, не задумываясь, надела пальто и отправилась за ним. Он все говорил и говорил.

В тот момент ему было все равно, понимает ли она его или нет, ему надо было с кем-то разделить свои впечатления. На рассвете он сделал ей предложение. Ему показалось, что о такой спутнице он мечтал всю жизнь. Она смеялась, когда он шутил, она переставала дышать, когда речь заходила о риске, и, самое главное, она ничего не пыталась рассказать о себе.

Александр сделал последнюю попытку «остепениться». Его сказки хорошо покупались, и он пробовал написать что-то серьезное. Вплоть до рождения сына Фредди он «высисживал» свой роман. Закончив, даже не пытался «это» пристроить, запил. Все это время Кэролайн оправдывала ожидания Алекса, никак не навязывала ему своего мнения и, почти не раскрыв своей сущности, она всецело переложила на его плечи задачу развлекать ее. Легко отказалась от своей любимой и весьма прибыльной работы редактора журнала и посвятила себя семье, дому, мужу, ребенку, а он, теряя пыл, по десятому разу рассказывал ей свои басни. Рождение сына вдохновило его на написание еще нескольких сказок, которые обеспечили им безбедное житье на долгие годы.

Алекс мечтал участвовать в воспитании сына, привить ему русскую душу, но понял, что не способен даже током

поменять подгузник, не говоря уже о том, чтобы запихнуть в дитя ложку каши. Ребенок рос 100% американцем, Александр затосковал. Ему стало казаться, что эта мышеловка долгие годы ждала именно его, и он попался.

Нет, конечно, ему не в чем было упрекнуть жену, но они никак не становились ближе. Кэролайн, как черная дыра, поглощала все, что он давал ей: силы, энергию, эмоции. Он, опустошенный, искал понимания у местных завсегдаэв питейных заведений, но им хватало своих проблем, лишь бармен дежурно выслушивал его излияния, иногда ни хрена не понимая. При этом Алекс часто переходил на русский, но его давно никто не одергивал. Кэролайн совершенно спокойно приезжала за ним, грузила бесчувственное тело в машину и наутро ему, больному, приносила холодного пива.

Вроде бы жить-не тужить, но не таков наш герой. Однажды они, Кэролайн, Александр и адвокат, сели и строго поделовому подписали кучу бумаг, по которым все оставались при своих интересах. Уже через час он стоял с сумкой в аэропорту. В тот момент ему показалось, что он никогда раньше не был так счастлив, перед ним лежал весь мир, были открыты все дороги.

6

Как все изменилось с тех пор, нет, не мир вокруг, сам человек стал другим, и внешне, и внутренне. Только он сам почти не замечает этого.

Теперь Александр не любил «сотрясать воздух» понапрасну, теперь он предпочитал слушать и смотреть. И получал от этого едва ли не большее удовольствие, чем когда-то рассказывая и показывая. Если раньше он раздражался от своего или чужого непонимания, то сейчас ему нравилось строить догадки, фантазировать.

К сожалению, он давно знает португальский язык, что лишило его полной отстраненности, но со временем он научился, наблюдая людей на расстоянии, приписывать им другие диалоги, иные взаимоотношения. Он играл людьми. Как куклами. Любая картинка становилась завязкой для театрального сюжета, возможно, это влияние дивных окружающих его декораций.

В школьном возрасте Алекс обожал кино, что являлось почти единственным доступным ему развлечением. Недалеко от дома находился «клуб кино», где за гроши можно было увидеть шедевры мирового экрана, зачастую без перевода и в черно-белом варианте. Это, конечно, не охлаждало пыла юного романтика, а рождало новый жанр «вольного» переказа диалогов.

В то время, как большинство публики с умным видом пыталось вникнуть в глубокую суть очередного шедевра, Шурка нашептывал на ухо другу невообразимые диалоги, которые порождала его фантазия. С его подачи Фантомас мог, вдруг рассмеявшись своим ужасным смехом, крикнуть: «Сдавайтесь, подлые буржуи! Это вам за Штирлица!» В зависимости от его настроения персонажи из злых становились добрыми и наоборот, что придавало фильму, виденному десяток раз, незабываемый колорит. На серьезных, склонных к философии кинокартинах на друзей часто шикали за неуместный смех и громкий шепот, но это только придавало происходящему остроту.

По прошествии полувека, в совершенно чужой стране, и при этом не имея ни слушателей, ни собеседника, он обо-жал предаваться забаве детства.

Домочадцы Александра привыкли к этому и уже давно не обращали внимания на одинокую, сидящую вдалеке фигуру, бормочущую что-то на варварском языке себе под нос. Когда Алекс только купил дом, ему в наследство досталась полуглухая, что его устраивало, экономка, не понимающая на английском ни слова.

Какое-то время он просто впитывал в себя неземную красоту края и почти не нуждался в пище земной, что позволяло ему довольствоваться ежедневной густой и острой похлебкой из неведомых ему продуктов. Он беспечно гонял по окрестностям на своем бывалом джипе, чем пугал

местных жителей, не выносивших суеты. Частенько ему приходилось расплачиваться за раздавленных им кур, хотя он прекрасно знал, что цифра жертв всегда была в несколько раз выше реальной. Он снисходительно улыбался этой крестьянской хитрости и никогда не спорил, что позволило ему со временем обрести доброжелателей. Насладившись вволю рыбалкой в местных горных ручейках и походами, Алекс задумал расширить свое окружение, что оказалось непросто. Девушки из деревни опасались работать у загадочного варвара с совершенно непонятными для них культурой и жизненным укладом.

Как только красные огни автомобиля скрылись за поворотом, пара немолодых людей, которые молча стояли в воротах, словно по команде развернулись и не спеша двинулись к дому.

– Пойду, разожгу камин, – сказала женщина, подходя к крыльцу.

– Уже, – ответил мужчина. Она улыбнулась.

Они давно жили по этому распорядку. Как только Игорь Михайлович ушел на заслуженный отдых, они с женой и собакой поселились за городом, в чудесном доме, стоящем среди огромных елей. Жена Игоря Михайловича Вера была привлекательной немолодой женщиной со светлым и спокойным лицом. Она не любила, чтобы ее называли по отчеству даже внучатые племянники. Чуть помедлив у двери дома, она задержалась на крыльце и, положив локти на перила, мечтательно вдыхала зябкий сырой воздух.

– Ничего не могу с собой поделать. Целую неделю мечтаю и жду их приезда, а потом, когда они уезжают, испытываю радость и облегчение. Я – самодур. Или, может, как правильно, «сама дура»? А?

Игорь Михайлович хоть и слышал слова жены, но промолчал. Они уже почти привыкли жить без детей. Что ж тут поделаешь. Дети стали взрослыми и самостоятельными, а при-

роду воспринимают лишь как декорацию для шашлыка. Их манит мегаполис миллионами огней, иллюзорными перспективами и бешеным ритмом жизни, очень созвучным популярно-танцевальной музыке. Им сейчас не до вялой жизни родителей. Нельзя сказать, что Игорь Михайлович и Вера воспитали пустых ничемных отпрысков, нет, просто их сын и дочь были детьми своего времени.

– Очень тебя прошу, проверь, дома ли Снежок, прежде чем запираться дверь.

– Ну, сколько можно попрекать. Всего-то случилось один раз.

– И одного достаточно.

– Ладно-ладно. Иди.

Единственным живым существом, которое принимало оба разных ритма жизни, был спаниель Снежок. Он с удовольствием мирно посапывал у камина между хозяином и хозяйкой, и с таким же удовольствием мчался по проселочной дороге за велосипедами детей. Кстати, спаниель вовсе не был ни белым, ни даже черным, совсем непонятно, почему за ним закрепилась кличка Снежок, просто так решили все, что ему это подходит, хотя не понятно – почему. Сейчас Снежок совершал свой ритуальный пробег до ворот дачных участков, провожая машину Федора, который приезжал к родителям со своей девушкой и сестрой Полиной. Полина была не родной сестрой Федору и даже не дочерью своих родителей, ее удочерили. От нее этого никогда не скрывали,

но любовь делала их родными.

Для обоих, Веры и ее мужа, их брак был вторым. Страдая от нерастраченной материнской любви, Вера, выйдя замуж за Игоря Михайловича, уговорила его удочерить девочку. Когда Полине исполнилось три года, Вера была сражена известием, что забеременела. Так и не выйдя из состояния удивления, она родила Федора. Как оказалось, это был не редкий случай, когда диагноз «бесплодие» отступает перед жадной любовью и растить детей, но, в отличие от других, Вера и Игорь Михайлович, в силу своей глубокой порядочности никогда не позволяли себе любить родного сына больше, чем приемную дочь. Даже наоборот, как только Федор начал осознавать свое мужское начало, с него стали требовать и спрашивать вдвойне. Поэтому Федор, младший по годам, вырос более самостоятельным и ответственным, чем сестра.

Игорь Михайлович отключил электричество и уже запирали гостевой домик, когда услышал за спиной тяжелое дыхание собаки. Снежок радостно, как после долгой разлуки, вертелся под ногами.

Вера сидела в кресле у камина, смотрела на огонь, в руках она теребила большой конверт, проделавший не одну тысячу километров в поисках адресата. Она медлила. Она не ждала хороших новостей от Александра Шлосса. И, хотя они не виделись много лет, он был носителем печали, теперь очень редко, но все же посещал ее во сне и приносил с со-

бой горе, страдание, боль. Нельзя сказать, что их брак, Веры и Александра, был несчастливым, нет. Просто расставание было долгим и болезненным. И вот теперь это. Она чувствовала, ему что-то нужно, но она давно и трудно выбрасывала его из своей жизни, и сейчас было страшно впускать его обратно.

Вера была женщиной не героической, но решительной, именно это качество помогло ей оставить спивающегося Алекса и уйти «в никуда». Потом был самый тяжелый период в ее жизни, она очень страдала, маялась, искала себя. Неизвестно, как далеко завели бы ее эти поиски, но на ее пути, к счастью, оказался Игорь Михайлович, который, невзирая на слабое сопротивление Веры, почти насильно взял ее под свою защиту и покровительство. Она была безмерно ему благодарна за это.

Сейчас, перебирая конверт в руках, она думала именно о том, что это может причинить ему боль. Было сильно искушение швырнуть письмо в огонь, но Александр тоже был частью ее жизни, а выбросить годы, пусть даже прошлые, невозможно. Вера с замиранием сердца открыла конверт.

8

Эльвира, уже немного «навеселе», окрыленная удачей, пробиралась сквозь лабиринт клубных нагромождений. Она уже давно была лишена возможности посещать тусовки, не было денег, работы. Ей приходилось сдавать свою квартиру в центре, чтобы снимать себе комнату в спальном районе, а на разницу она жила. Уже год у нее не было даже возможности съездить к родителям в Муром, повидаться с дочерью.

Но сейчас она чувствовала себя ни больше, ни меньше, как амазонкой, оседлавшей крылатого Пегаса.

Как жаль, что ощущение счастья так эфемерно и летуче, это почувствовала Эльвира, когда бокал в ее руке уперся в грудь шкафоподобного верзилы в черном. Все разбилось, рассыпалось на тысячу частей, сама она скукожилась под взглядом воспаленных глаз.

Если бы у нее была хоть малейшая возможность избежать этой встречи, хоть ручейком между плитками кафеля на полу, она бы убежала. Но.

– Эль, голуба моя, вот кого не ожидал.

Поцелуи по периметру лица, ни дать, ни взять заклятые друзья.

– Похоже, ты бегаешь от меня?

– Я?! Да ты что, Макс. Пришла бы я сюда, если бы пыталась скрыться от тебя. Я же знаю, что здесь ты бываешь еже-

дневно! Где логика?

– Угу. Твои отмазы давно протухли, где капуста, бабки, тугрики, грины?

– Теперь я могу смело глядеть в твои глаза, видишь?

Бумажка в руках Эльвиры имела весьма потрепанный вид, но она ею, как мандатом, отмахивалась от сверлящих глаз Макса.

– У нас не банк, мы векселей не принимаем.

– Да ладно, напряги пупки. Я почти богата.

– Почти не считается. Ты кормишь нас обещаниями. У тебя уже проценты выросли на твой должок, как гроздь гнева.

– Не будь говном, Макс, я дело говорю.

– Ладно, отвянь, я подумаю.

– Максик, дорогой...

– Ну, чего тебе...

Эля облизала губы.

– Может, немного... В счет наследства... С собой нет ли?

– ЧТО?!

Макс грозно, как воспитатель, смотрел на женщину, которая была старше почти вдвое. Она стушевалась, как нашкодивший озорник и решила отшутиться, но это получилось тоже неудачно, тяжело кокетничать с рентгеновским аппаратом, Макс был непрошибаем.

– Тогда, может, угостишь стаканчиком? А раньше ты не брезговал пить со мной на брудершафт и даже...

– Не хочу ничего слышать. Тебе пора давно о душе поду-

мать, а ты все в детские игрушки играешься. Чай, не девочка.

– Для нотаций у меня еще живы родители, а ты...

– Я тебе звякну. Не будешь отзываться, найду, пришлю ребят... Ты хорошо поняла?

Вихляющей походкой Макс двинулся вдоль барной стойки, сзади он напоминал велосипед с колесами восьмеркой. Как только он остановился, через стойку перекинулся телом бармен, излучая угодливость.

– Элька уже бумажкой трясла здесь? Что ты думаешь, Ден, о ней, я о бумаге, дельная или фуфло?

– Я почти ничего не слышал об этом ее легендарном бывшем муже и вообще не уверен, что они были в официальном браке. Ну, глянь на нее, неужели это возможно?

Эльвира бережно свернула бумагу и спрятала ее в сумочку, заодно достала помаду и, улыбнувшись своему отражению, обвела победным взглядом задымленное помещение. Она знала, что сегодня ей не придется спать одной, во всяком случае, была готова приложить все силы для достижения цели. Она опять была в своей стихии.

9

Юлия Георгиевна была давней подругой Ларисы Петровны. До ухода на пенсию она преподавала английский язык в ВУЗе, а сейчас жила частными уроками.

– Помнишь, ты предлагала мне пойти с тобой на курсы испанского, теперь я жалею, что отказалась.

– Тебе тогда было не до того, ты только-только начала встречаться со Славиком.

– Брак с ним не стоил отказа от испанского. Сейчас он мне так пригодился бы, ведь испанский и португальский почти одно и то же. Юль, я боюсь... Они все моложе меня, его жены, у меня нет никаких козырей, может, не ездить?

– Мать, ты меня удивляешь. Тебя в Москве ничего не держит, неужели не тянет мир посмотреть? Меня бы кто пригласил.

– Меня же не просто в гости приглашают. Похоже, он хочет устроить бои за наследство, корриду, а сам будет любоваться. Унижать других, это настолько в его вкусе. В этой борьбе у меня только один козырь – Валентин. Да и то, он опекал его, только пока не появились свои родные дети. Хотя он никогда не отказывал ему в помощи, мне отказывал, ему – никогда. Мне всегда казалась странной, нездоровой тяга к мальчику, который не намного моложе его самого.

– Какая у них разница?

– Я старше Александра на семь лет, тогда, по молодости лет, я скрывала это, теперь все равно. Валя моложе Алекса всего на двенадцать лет. Возможно, он относится к нему, как старший брат. Во всяком случае, он настоял на том, чтобы усыновить чужого ребенка, хотя сам был мальчишкой. Мне так нравилось иметь молодого, талантливого мужа... Может, еще чаю...

– Давай погорячее. Вот ты говоришь, что у тебя мало шансов, но тебя же пригласили, стал бы он тратить деньги просто так.

– Мы так долго ничего друг о друге не слышали.

– Зато ты была первой из длинной вереницы его жен. Может, он помнит хорошее.

– Я из него сделала мужчину.

– Ну, вот видишь, а ты говоришь. Надо ехать.

– Хм. Он был нежным и страстным, как все молокососы, а я к тому времени уже знала, почему фунт лиха. Достаточно одного неудачного брака, и ты уже умудренная опытом женщина, к тому же с малым ребенком на руках. Сама себя тогда я спрашивала, что меня толкнуло на брак с Алексом, наверное, его отношение к Валику, хотя он сам был ребенком, но его любил, как родного. И вот я оказалась с двумя детьми на руках, пришлось заставить Алекса отрастить усы для солидности, чтобы не подумали, что я его мать. Он усыновил Валику и очень любил возиться с ним. А я...

– Лар, ты его любила... как мужчину, я имею в виду?

– Трудно сказать. Мне тогда казалось, что это он от меня без ума, а я лишь позволяю себя любить. Так я думала вплоть до того дня, когда он ушел... к этой сучке Верке.

– Ты хорошо знала ее?

– Достаточно. Они познакомились у меня в доме. Кто-то приволок ее к нам на Рождество. Она изображала такую недотрогу, что мне пришлось заставить Алекса развлекать ее разговорами... так что я отдала его ей сама. Утром он ушел провожать ее и больше не возвращался. Вот тогда, когда он испарился, он стал мне дорог, Я почувствовала обиду и любовь к нему. Тогда я попыталась бороться за него, но уже бесполезно.

– Интересно, а как ты это делала? Когда он уже ушел?

– Самыми популярными средствами: зелья, привороты, заклинания, гадания – все шло в ход.

– И что?

– Результат тебе известен.

Сегодня была пятница, «день брадобрёя», как называл его Александр.

В этот день Антонио, деревенский парикмахер, кстати, очень уважаемый человек, закрывал свою цирюльню и со всем своим нехитрым скарбом, умещавшемся в потертом саквояже, отправлялся в большой дом, как его здесь называли.

Два часа, а то и больше, длилось превращение из пыльного старика в «мачо». Антонио был разговорчив, но Алекс, по укоренившейся у него привычке, выключал в голове дешифровщик и наслаждался умелыми движениями «стилиста», не погружаясь в деревенские сплетни. Поначалу его брили старым дедовским способом, опасной бритвой с пеной и одеколоном.

Нельзя сказать, чтобы эта нехитрая процедура, мало обременительная в современном исполнении, была не по силам Алексу, но он, узнав о своей болезни, сначала бунтовал, отказываясь есть, спать, умываться и переодеваться. Побушевав, он смирился с недугом, и теперь болел на полную катушку, позволяя домашним заботиться о нем. Ранее мобильный и неусидчивый, теперь он редко менял позу в течение дня. Нельзя сказать, что в этом была физическая потребность, просто своей покорностью он выражал протест судьбе

за прерванный полет. Он отказался от предложенных ему радикальных методик, исправно принимая лекарство, и ждал, а времени у него было немало. Немало по меркам смертельных недугов, то есть болезнь поглотила еще не все, и было время поразмыслить. Но как раз думать о чем-нибудь серьезном и глобальном не хотелось вообще. Теперь все проблемы современной цивилизации не заставят его вспотеть.

Пока Антонио занимался его ногтями, Алекс размышлял о хрупкости человеческого организма, который предает свой разум гораздо раньше физической смерти. «Было бы более гуманно отключать все сразу, одно нажатие кнопки, и нет ломких, слоящихся ногтей, нет слабости в коленях, нет боли в пояснице... ничего нет».

Одно из самых ранних и неприятных воспоминаний детства – это страх и неприятие двух слов: смерть и бесконечность. Этот страх гнездится в каждом всю сознательную жизнь, но борются с ним все по-разному. Алекс уже не боролся, он жил как будто в одном очень длинном дне, зная, что будет закат, но не зная, когда.

Принесли очередное письмо от матери, написанное рукой сиделки. Виктория Петровна родила своего единственного сына в непозволительно раннем для того времени возрасте – в семнадцать. В свои семьдесят семь она была физически здоровее сына, о чем не догадывалась. Алекс, узнав о своей болезни, устроил ее в тихий пансион в Швейцарских Альпах, где Виктория Петровна уже целый год морочила голо-

ву вышколенному персоналу. Конечно, она страдала в отрыве от родины, оставшихся в живых подруг и от неразделенных воспоминаний, ведь человек на закате живет прошлым. Алекс знал, что по его просьбе сиделка матери изучала русский язык, но это все, что он мог сделать. Он не мог себе позволить, чтобы мать видела его таким. Когда-то давно она ему сказала: «Самое ужасное – это пережить собственных детей». И он помнил это. Но оставить ее в России было не на кого, так, во всяком случае, думал Александр. И это обстоятельство, хотя далеко не единственное, толкнуло его перетряхнуть свое прошлое в поисках того, ради чего он жил.

Антонио терпеливо и осторожно подравнял волосы на висках. Алекс чувствовал, что его затея с приездом жен и детей, скорее всего, ускорит финал, но иначе он не мог. Он ведь был один уже много лет. Нет, конечно, вокруг были люди, но он никого не пускал себе в душу, никому не изливал сокровенных мыслей, да и, собственно говоря, ни разу по крупному не переживал сильных эмоций. Иногда ему вспоминались нетрезвые философствования с приятелями и друзьями на кухне, и он скучал.

Один раз, примерно через год после приезда, подобная тоска заставила Алекса вызвать к себе самого близкого друга детства – Ваню Червякова, простого душевного автомеханика, с которым он проводил в Москве больше времени, чем с собственными детьми. Ваня приехал, встреча была теплой и радостной, но с первой минуты Алекс ощутил тот диссо-

нанс, который внес приезд друга в его новую жизнь. Справившись с сомнениями, они попытались проводить время, как раньше. Но первые же дружеские посиделки за бутылочкой поставили крест на ностальгии, все то, что раньше радовало и грело душу, в этой обстановке скребло лезвием по стеклу, превращалось в глупый напыщенный фарс. Привезенные Иваном вести из другого мира не интересовали Алекса, песни, которые рвали душу в заснеженной Москве, совершенно не трогали в раскаленной тени оливковых деревьев.

Через неделю Иван уехал, они обещали друг другу писать письма, но о чем – никто не знал. С тех пор Алекс оставил попытки совместить прошлое и настоящее, он просто жил.

По тому, как парикмахер начал петь хвалебные песни: «Ах, синьор давно не выглядел так хорошо», Алекс понял, что процедура обновления близка к завершению. Антонио деликатными штрихами обрезал настырные волосики на бровях, в ушах и носу. В первый раз за долгое время Алекс с интересом посмотрел в предложенное ему зеркало.

«Да, братец, ты не просто старик, ты старик без прошлого. А это нонсенс».

По современным меркам их большая семья: Ольга, муж Сергей Викторович и трое детей – Соня, Аня и младший братишка Левушка, собирались за одним обеденным столом очень не часто. А вернее редко, особенно с тех пор, как Соня обрела свою собственную гавань в лице мужа Дениса.

На самом деле, только одно событие могло собрать всех за праздничным столом – 11 ноября, этот день, вот уже двенадцать лет пышно праздновался, невзирая ни на какие обстоятельства. Однажды подкосивший всех грипп внес коррективы в праздничное меню, где основным блюдом были таблетки, но невзирая на это, был заказан и съеден торт и доставлен для Ольги огромный букет роз. Так семья Соколовых справляла день свадьбы Ольги и Сергея, который стал началом нормальных семейных отношений, где дети окружены заботой и любовью, а хозяйка дома спокойно относится к слову «завтра» и чувствует себя защищенной со всех сторон. Аня, которой тогда было шесть, тут же стала называть Сергея «папой», Соня чуть позже. Мать часто любила повторять ленивой в учебе Ане, которая стонала от учебного рвения отца: «Ты же сама его выбрала. Чего уж...». А Аня, став старше, стала отшучиваться: «Я знала толк в мужчинах с малолетства». Девочки, знавшие только отчуждение в отношениях с родным отцом, с радостью приняли Сергея в «свою»

семью. Уже второй раз за праздничным столом прописался и Сонин Денис, который не любил, да и не понимал подобных «посиделок», но терпел из-за жены.

– Мам, как ты думаешь, может, мне попросить у Деда Мороза сноуборд?

Ценой невероятных усилий родители поддерживали в восьмилетнем сыне веру в чудеса, хотя школа уже сделала свое черное дело по коверканию детской души, но еще не до конца.

– Какой может быть сноуборд? Дед Мороз ведь не слепой, как он может тебе доверить спортивный снаряд, если ты не делаешь зарядку. И потом, дорогой, разве ты не просил уже Sony Play Station и новый велосипед? Не многовато ли?

Ольга пыталась не баловать сына, но разве это возможно, когда девочки выросли и вот-вот оставят родительский дом.

– Левушка, помоги мне накрыть на стол.

Большой обеденный стол, когда-то купленный «на вырост», теперь едва умещал всех членов семьи.

– После рождения внука купим новый стол, – произнес Сергей Викторович с бокалом в руке.

– «Внучки», – надула губки округлившаяся Соня.

– Ладно – ладно... Дорогая. Спасибо тебе, – очень серьезно сказал Сергей и поцеловал жену в лоб. – Левчик. Неси подарок.

– Ты же обещал.

– Прости, обманул. Обманул тебя, наверное, впервые.

– Ну, так уж и впервые.

Левушка, довольный своей миссией, внес бархатную коробочку с белой розой и торжественно вручил матери.

– Теперь я буду чувствовать себя редиской, у меня нет для тебя подарка.

– Жизнь с тобой – подарок для меня, наши дети – тоже. Я до конца дней своих не смогу отблагодарить тебя за это. Ты посмотри, может, тебе не понравится.

Ольга знала, что это возможно, но она ни за что не покажет виду, у мужа был своеобразный вкус. Но, открыв коробочку, она ахнула, сапфиры в изящном серебре, предел мечтаний. Ольга встала и поцеловала мужа в нос.

– Ты удивил меня. Я даже боюсь, Сережа, что наступит время, когда ты перестанешь это делать. Спасибо.

– Ну, зачем ты так. Придется сознаться, это Сонин выбор.

– Мамуля, он сорок раз заставил меня поклясться самыми страшными клятвами, что я не скажу, а сам... Эх, ты...

– Я вообще удивляюсь, что вы не раскололись раньше.

– Мы старались. Если бы ты знала, чего нам это стоило. Левушку мы посвятили только сегодня, знали, что не выдержит.

– Да я никогда. Я – могила, – захлебнулся от возмущения Левушка.

– Не ссорьтесь, не хватало еще, чтобы мы поругались.

– Мам, это еще не все.

– Нет-нет. Это ведь не только мой день, это наш общий

день. Сначала утка с апельсинами.

Каждого в отдельности нельзя было назвать очень говорливым, но застолья превращались в небольшой итальянский квартал, где все говорят одновременно. Кто-то говорил через стол, кто-то рядом сидящему, а Левушка пытался перекричать всех. Базар, да и только.

Заметив, что дети приуныли, Ольга поняла, что испортила им сюрприз.

– Ладно, давайте свой подарок, утка подождет.

– Мамуля, он у тебя под ногами, посмотри под стол. Денис, носи ведро с цветами.

Под столом, у всех под ногами, лежал отличный дорогой чемодан с колесиками, перевязанный алой лентой.

– Мам, мы хотим вам с папой пожелать, чтобы вы посмотрели, наконец, мир, – Соня говорила с жаром, пока Ольгина голова была под столом. Почувствовав, что пауза затянулась, продолжила:

– Вы все свое свободное время отдавали нам, нашим играм, урокам, болячкам, теперь пора получать удовольствие от жизни... во всяком случае, я надеюсь...

У Ольги было время собраться под столом, и она постаралась не выдать своего смятения.

– Ну, теперь уж точно пора нести утку. Огромное спасибо за подарки, – она вышла на кухню, столкнувшись с охапкой цветов в руках Дениса.

– Пап, ей что, не понравилось? По-моему, она расстрои-

лась.

– Я же вам говорил, не надо ее склонять к поездке, она ведь не выносит давления. Не надо, она сама решит, сама созреет.

– А я вообще против этой поездки, – насупившись, произнес Левушка, – ведь нас с папой не приглашают.

– Еще ничего не решено. Правда, папа? – встрепенулась Аня, почти не участвовавшая в разговоре.

– Если честно, я не в курсе каких-либо принятых решений, если они имеют место.

– Я ни за что не поеду, не хочу его видеть, – посерьезнела Соня.

– И правильно. Молодец, сестренка, – обрадовался Левушка, что он не одинок.

– Как может каждый из нас рассчитывать на помощь ближнего, если сам отказывает просящему в этой самой помощи и поддержке.

Сергей Викторович был серьезен как никогда. Дети задумались о том, смогут ли они когда-нибудь соответствовать отцовским канонам порядочности.

В наступившей тишине тиканье настенных часов казалось набатом.

– А я не знаю, я как мама. Но мне бы хотелось... – Аня поднялась из-за стола и направилась на кухню.

Утка была забыта в духовке, Ольга курила у окна.

– Анютка, ты считаешь, что мы должны поехать?

– Да.

– Мне будет нелегко без Сергея, надеюсь на твою поддержку. Аня обняла мать за плечи.

Щенок немецкой овчарки в подростковом возрасте резвился на газоне, наслаждаясь свободой от поводка. Его хозяин повстречал знакомого и был занят беседой. Щенку нравилось все: бабочки, ноги прохожих, бумажки, и он, радостно бряцая неокрепшими ушами, носился по поляне вдоль и поперек, при этом простодушная улыбка не покидала его задорной морды.

Быстро, но величаво газон попыталась пересечь кошка. Она посчитала оскорблением для себя огибать игровую площадку щенка, где и была подвергнута наскокам и призывам поиграть. Кошка присела и зашипела, предупредив о своем настроении приставалу, но ему это показалось забавным, и он тоже присел, подпрыгнул, отскочил, приблизился. Незаметным быстрым движением кошка чиркнула лапой по носу, щенок заскулил и отскочил, так и не поняв, за что его так.

Вера и Александр сидели на металлическом заборчике у входа в ЗАГС и курили, было невыносимо душно и жарко.

По тому, какую бурю неуместного восторга вызвала расправа кошки с щенком, было понятно, что Вера находится в крайней степени нервного возбуждения. Она все хохотала и хохотала, это было похоже на истерику. Александр угрюмо курил одну за другой. Они разводились.

Рядом разморенные люди в оранжевых жилетах лениво

ковыряли дорогу. Вере, наконец, удалось затихнуть. Александр смотрел себе под ноги, он не мог смотреть ей в лицо с тех пор, как они расстались, тихо, но отчетливо произнес:

– Ты уверена, что ВСЕ ЭТО правильно?

Такого удара под дых Вера никак не ожидала, на ее лице вдруг проступило все тщательно скрываемое горе. На ее счастье Александр не поднял головы, но когда через минуту она заговорила, ее выдал голос, дребезжащий от надрыва.

– А как иначе? У нас другого пути нет... у тебя растет дочь...

Конечно, это были не те слова, которые рвались наружу. Ей хотелось сказать, что каждую минуту с тех пор, как она в отчаянии переступила порог их общего дома, она рвалась назад. Но вначале она не могла себе позволить вернуться к нерешенным проблемам и мужу, топящему тревоги в алкоголе. А потом уже было поздно, появилась Эльвира. Хотя... если бы он попросил... но он не просил. Ей было очень горько видеть, как из цельной личности он превращался в приспособленца, делягу. Но все эти мысли она, как обычно, оставила при себе.

А Александр с ужасом думал, что теперь ему придется жениться на Эльвире.

Задумавшуюся за вязанием Веру вернул к действительности вопрос Игоря Михайловича, который оторвался от газеты и спросил:

– Веруня, я никогда тебя не спрашивал, почему ты мне сказала, что не можешь иметь детей?

– Чего это ты вдруг?

– Не знаю, пришло в голову...

– Я уже отвечала на этот вопрос двадцать три года назад, когда забеременела. Ты пытался выпытать, в чем заключался мой коварный замысел, если мы уже удочерили Полину, зачем было врать о бесплодии. И тогда, и теперь, говорю тебе, что мой коварный замысел состоял в том, чтобы вызвать у тебя жалость, потом оплести сетями... чтобы в дальнейшем, сидя у камина, слушать твой храп. Ты доволен?

– Я вдруг вспомнил... Я почти забыл, раньше у меня достаточно часто возникало чувство, что ты мне не принадлежишь, что я отвернусь, и ты исчезнешь. Веруня, ты все еще любишь его?

– Конечно. Он навсегда со мной... но в прошлом. Ведь я люблю тебя, Полинку, Федьку... и люблю сейчас, в настоящем. И Снежка конечно. И я не пожертвую ни одной минутой нашей нынешней жизни ради прошлого. Я не жалею ни о чем...

– Именно это я и хотел услышать...

Вера улыбнулась себе под нос, услышав, как дыхание мужа становится все ровнее и глубже. Она всегда удивлялась, как собака и хозяин могут до такой степени похоже храпеть. Когда поздно ночью Вера выключила свет, Игорь Михайлович проснулся и спросил:

– Ты не поедешь?

– Нет.

И он перевернулся на другой бок.

– Мамуля, попробуй эти... – Аня протянула Ольге розовые стрекозиные очки, – последний писк.

Мать молча одарила дочь выразительным взглядом на тысячу североамериканских рублей, Аня, хмыкнув, напялила ультрамодные очки на себя.

– Ничего ты не понимаешь, тебе такие очки просто необходимы, с твоей чрезмерной впечатлительностью надо смотреть на мир сквозь розовое стекло, и он покажется восхитительным.

Огромный отдел был по-зимнему пуст, в преддверии Нового года покупают солнечные очки только счастливики, которые собираются смотреть на нездешнее жаркое солнце.

– Я предпочитаю классику, она вне моды и украшает почти всех... во всяком случае, не уродует. Ну, как тебе это?

– Мам, такие у тебя есть, или почти такие же, какой смысл иметь несколько одинаковых вещей?

– Мм..., может, ты и права. Безумный поступок, требует подобных аксессуаров. Девушка, покажите мне, пожалуйста, вон те с перламутром.

– О, мамуля, это же почти революционный переворот.

– Хватит издеваться, я и так не сплю с тех пор, как решилась туда поехать, это тяжелое испытание. Это все равно, что проводить ревизию прошлому.

– Не сердись, если бы ты отказалась, никто бы тебя не осудил.

– Анюша, есть вещи, которые нужно сделать хотя бы для того, чтобы жалеть о сделанном, чем о не сделанном. Другого шанса не будет.

– Мамуля. Соня просила тебя не расстраивать, но я лучше скажу.

– ?

– Ей звонила Эльвира.

– И что она хотела?

Ольга по вполне понятным причинам не ждала ничего хорошего от нее. Последние несколько лет, с тех пор, как Соня стала самостоятельной, и причина для шантажа испарилась, Эля по старой привычке имела наглость клянчить деньги. Обычно ей не отказывали, жалко, да и просила она немного. Но врала при этом грандиозно, видимо, чтобы вызвать сострадание к своей персоне и застраховаться от отказа. То у нее случился пожар в съемной квартире, то были потеряны подотчетные деньги, то старшая дочь забеременела от наркомана и нуждается в аборте. Никто ей, конечно, не верил, но считали более безопасным для себя откупиться от нее, кто знает, на какую гадость она способна.

– Обещай, что не расстроишься. Просто я думаю, тебе лучше знать, что она замышляет, ведь там избежать ее нам не удастся.

– Говори.

– Она уговаривала Соню поехать, нажимая на родственные узы. Ее старшей дочери отказали в визе, отец не внес ее в список. Вот Эльвира и жаловалась на дискриминацию, мол, Ларисе разрешили взять сына, хотя он Александру тоже не родной, а ей нет.

– Ей не приходило в ее безмозглую голову, что перемена климата может печально повлиять на ее будущего внука или внучку? Ее только и заботило всегда: я, я, я. Старшую дочку спихнула родителям, бедная девочка знает мать только по рассказам. Соню она всегда использовала как средство для достижения своих целей. Я никогда не говорила вам, она родила Соню, чтобы женить на себе Алекса, потом она использовала ее как средство наживы. Хороша мать. А теперь еще требует поддержки, ценой здоровья. Я надеюсь, Соня не восприняла это всерьез.

– Мамуль, не кипятись, ты же знаешь, наша Соня крепкий орешек. В этом чувствуется не наша порода, в ней отсутствует излишняя эмоциональность, на поверхности она выглядит холодной, но в глубине души она чуткая и нежная. В общем, она ей все сказала. В своей спокойной манере с уничтожающей вежливостью сообщила Эльвире, что она, как будущая мать должна думать в первую очередь о своем ребенке и о его благе, а не о выгоде «чужих» ей людей. Соня еще добавила, что даже ее мать, то есть ты, не требовала от нее подобной жертвы, а на всех остальных ей чихать.

Ольге это очень нравилось, нравилось, что они воспита-

ли такую правильную дочь. Ане иногда казалось, особенно в детстве, что родители Соню любят больше, но теперь она понимала, что они пытались восполнить недостаток тепла и любви со стороны ее настоящих родителей. Им это удалось. Их семью связывала не только любовь, но и доверие, что немаловажно.

– Эх, кутить, так кутить! Девушка, покажите вон те очки в леопардовой оправе.

– Bravo, мамуля, пусть задохнутся от зависти, жаль не успеем обновить гардероб, а то бы мы им показали.

«Какого черта в такую рань...»

Он все звонил и звонил, этот треклятый телефон, а у нее не было даже сил поднять многотонные ресницы. И в тот момент, когда раздражение и злость, наконец, заставили Эльвиру оторвать голову от подушки, он заткнулся. Она испепеляющим взглядом уперлась в беззвучно стоящий на столе телефон, он молчал, словно и не было истерических трелей. Злость отступила, но голову сдавила боль, она пошарила рукой под кроватью, где обычно дежурила бутылочка Пепси на случай «великой утренней засухи». Какое разочарование, в пластиковом коконе не затерялось даже глотка, лишь на дне весело перекатывались окурки. Как-то не вовремя пришла удачная мысль: «Надо было бы почиститься перед отъездом, но не успею».

Время от времени Эльвира ложилась в клинику на деинтоксикацию. Возвращаясь посвежевшей, она всем говорила, что была в санатории на водах. Сейчас ей бы это не повредило.

Размахнувшись, Эля запустила пластиковый балон в открытое окно, отскочив от рамы он с диким грохотом рухнул на стол, повалив бутылку из-под шампанского, которая покатилась и упала на пол. Внезапно где-то совсем рядом раздался слабый стон, местонахождение раненого угадыва-

лось между диваном и стеной, куда и свесилась оторопевшая от неожиданности Эля.

– О-о... – только и могла произнести она, увидев небрежно обернутое в одеяло тело, которое явно принадлежало мужчине.

– Нoney, – гнусаво произнесло тело, – принеси воды.

Немой вопрос застыл на помятом лице Эли, но она послушно принесла воды.

Пока кадык поршнем двигался вниз вверх, с бульканьем пропуская воду, Эля рассматривала ночного гостя. Из богатого опыта она знала, что бессмысленно вспоминать происшедшее накануне, если организм находится на стадии реанимации.

Мужчина, как обычно, был сильно моложе, чем она, и, как обычно, весьма потрепан жизнью. Он был плешават, что тщательно скрывал очень короткой стрижкой. Лицо пустое, как Элин холодильник, глаза как стеклянные бусинки в обрамлении воспаленных век. Хорошо еще фигура сохранилась (но не занятиями спортом).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.